

оқыту бұрынғыдан да өзекті болып табылады. Абайды білместен, қазақ болу мүмкін емес.

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. ӘуезовМ. Абай жолы.
2. ҚабдоловЗ.. Сөз өнер.– Санат, 2007.-360 б.
3. Қалижанов.У. // Егемен Қазақстан 2017, 10 тамыз.

ДУХОВНОЕ СОЗВУЧИЕ ВЕЛИКИХ ПОЭТОВ: АБАЙ И ЛЕРМОНТОВ

Рахимжанов К.Х.,
КазАТУ им. С.Сейфуллина, г. Нур-Султан

Поэзия Лермонтова в переводе Абая в казахской литературе занимает особое место. Поэзия Лермонтова давно стала достоянием казахского читателя.

Многие исследователи творчества Абая отмечают его связь с творчеством Лермонтова.

В казахском литературоведении много работ посвящено данной теме. Среди них необходимо отметить работы казахского ученого З. Ахметова[1], который после М.Ауэзова[2], [3] исследовал переводы Абая произведений Лермонтова. В своих трудах З.Ахметов рассматривает вопрос о связи Абая с Лермонтовым, о влиянии Лермонтова на Абая [1].

«Абай с особым трепетом относился к поэзии Лермонтова, - пишет З.Ахметов. – Он был особенно близок русскому поэту, был в духовном родстве с ним. Не будет преувеличением сказать, что, проникнувшись симпатией к русской поэзии, Абай наибольшее духовное созвучие обнаружил именно в Лермонтове» [4, с. 177].

Акын Абай начинает свои переводы с Лермонтова, как раз именно с его знаменитого «Бородино», написанного в 1837 год в 25-летнюю годовщину сражения под Бородино. Казахскому акыну Абаю была созвучна мечта русского поэта видеть окружающих его людей сильными и гордыми, такими же, какими они были в дни героического 1812 года. «Дух и своеобразие лермонтовской музыки были чутко уловлены зрелым Абаем», - правильно подметил известный казахстанский переводчик [5, с.123].

Абай для перевода выбирает те произведения, которые так или иначе находят отклик в его душе, глубоко волнуют его. Не случаен сам выбор автора или произведения как объекта для перевода, такой факт часто говорит о душевных установках автора-переводчика, об его духовных исканиях.

Как мы знаем, произведения М.Ю.Лермонтова отличаются яркой индивидуальностью, глубоким лиризмом, философским восприятием окружающего мира. Отрадно, что такой поэт стал впервые узнаваемым для казахского народа в XIX веке именно по переводам великого поэта Абая Кунанбаева.

В период 80-х годов 19-века Абай переводил произведения Лермонтова. Это «Исповедь», «Еврейская мелодия», «Бородино», «И скучно и грустно», «Не верь себе», «Пленный рыцарь», «Дума», «В альбом», «Кинжал», «Выхожу один я на дорогу», «ДарыТерека», отрывки из поэм «Демон», «Измаил-бей», «Вадим» и др. Всего Абай перевел из Лермонтова 29 стихотворений. Здесь надо отметить, что поэзия Лермонтова владеет им все сознательные годы творчества.

Близки Лермонтову по идейной направленности, тону и характеру многие оригинальные произведения поэта («Желсіз түнде жарық ай», «Күн артынан күн туар», «Ауру жүрек ақырын соғады жай» и др.). Некоторые стихотворения М.Лермонтова настолько его волнуют, что он дает несколько их вариаций. К таким относится стихотворение «И скучно и грустно», или «В минуту жизни трудную», воссозданное им под названием «Қасиетті дұға» и «Дұға»[6].

Обзорный анализ показывает, что среди произведений Лермонтова, к которым Абай обращался, можно встретить

- произведения с политическими мотивами, такие, как «Бородино», «Дума», «На буйном пиршестве задумчив он сидел»;
- стихотворения пейзажной лирики: «Горные вершины», «Дары Терека», «Утес», «Парус»;
- стихотворения, выражающие гражданскую роль поэзии: «Не верь себе», «Кинжал», «Журналист, читатель и писатель»;
- группу стихотворений, изображающих лирические переживания автора, глубоко родственные Абаю.

Большинство переводов падает на этот вид лирики: «Еврейская мелодия», «Пленный рыцарь», «И скучно и грустно», «Нет, я не требую вниманья», «Я не хочу, чтоб свет узнал», «В минуту жизни трудную», «Выхожу один я на дорогу», «Звуки» и такие произведения, как «Вадим» и «Демон». Нельзя сказать, что большинство стихотворений Лермонтова, переведенных Абаем, романтического характера. Белинский даже в самых его романтических произведениях находил черты реализма[6].

Духовная связь великих поэтов существует реально и проявляется всюду. Лермонтов и Абай были выразителями своей эпохи. Они олицетворяют дух времени. И этим объясняется их родство, созвучие. В этом созвучии проявляется и их отношение к окружающему их миру эпохи, к народу.

Абай как будто рассматривал произведения Лермонтова как отражение своей собственной природы. «Если он переводил на казахский стихотворения таких поэтов, как Лермонтов, то делал это не только из-за

того, что они нравились ему внешней красотой. А потому, что чувствовал в них особую близость к своему сердцу, к духу народа, особое соответствие к своему социально эмоциональному состоянию и к своей фантазии. Поэтому переводы получились как отражение грустной печали, беспокойного биения собственного сердца поэта» [3, с. 55].

Ярким примером сказанного является стихотворение «Из Гете». Как пишет З.Ахметов: «Казахское произведение поистине достойно русского образца. Абай умело передает не только содержание и настроение стихотворения, но и его музыку. Высоко поэтическая простота, отличающая стихотворение Лермонтова, характеризует и перевод Абая» [4, с.94].

Очень много у Абая стихов, которые по духу и идее, по настроению прямо перекликаются лермонтовскими. Немало сходного можно обнаружить у них и в способе выражения чувств недовольства современным состоянием общества, несправедливости, бездействия и равнодушия, одиночества.

Сохранение формы слова для Абая отнюдь не является самоцелью. Нельзя несогласиться с академиком З.Ахметовым, который отмечает, что «в большинстве своем Абай содержание стихотворения, словосочетаний, фраз передает казахскими словами, не имеющими внешнего словесного сходства, но по возможности верно и тонко воссоздающими внутреннюю жизнь подлинника» [2, с.96].

В настоящее время русские исследователи обращают внимание вопросу выявления закономерностей и рассмотрения общих черт инонационального восприятия произведений М. Лермонтова, сравнительному изучению тюркоязычных переводов произведений русского классика. В работе «Из истории переводов произведений М.Ю. Лермонтова в тюркоязычных литературах» А.З. Хабибуллина, сравнивая переводы разных писателей на разные тюркские языки, отмечает, что «в казахской литературе конца XIX века известный поэт Абай Кунанбаев перевел на родной язык то же стихотворение Лермонтова, однако его восприятие оказалось более созвучным данному тексту как по характеру внутреннего содержания, так и по форме.

Сохраняя на родном языке название «В альбом» («Альбомга»), Абай не нарушает при этом и его жанрообразующих свойств» [8, с. 46-47]. Такая же особенность восприятия лирики Лермонтова и его переводов на казахский язык имела место в отношении стихотворений «Молитва» («Доға»), «Дума» («Ой»), «Кинжал» («Канжар») и многих других. Эта мысль исследователя лишь подтверждает духовное сходство и созвучие двух великих поэтов.

Исследователи отмечают, что именно в казахской литературе на рубеже веков переводы М.Ю. Лермонтова имели свои особенности. Стихотворения и поэмы Лермонтова в казахской литературе начали

переводиться раньше, чем в других тюркских литературах, например, в татарской литературе, а именно в 1880-е годы.

Указывая на тот факт, что многие переводы выполнены в свободной форме, исследователи обращают внимание на то, что «Кунанбаев смог достаточно полно и более «адекватно», точно, чем татарские поэты, и в первую очередь Тукай и Рамиев, передать идейное содержание произведений Лермонтова. Особенно справедливо это в отношении тех произведений, в которых русский поэт создал образ Космоса, Вечной природы: «Выхожу один я на дорогу», «Горные вершины», «Парус». Выбор Кунанбаевым именно данных произведений М.Ю. Лермонтова в значительной мере объясняется такой спецификой национально-художественного мышления поэта, как целостность восприятия мира» [8, с. 46-47]. На это, в частности, указывает Г.К. Шелобаева в своей работе «Эстетическое и художественное как реалии национального самосознания», говоря о природной способности казахов к созерцанию мира бесконечного космоса. «В созерцании природы, - пишет исследователь, - человек не имел дела с действительно бесконечным. Он ухватывал лишь психологически равнозначное бесконечному: даль небес, простор степей, то есть пространство, которому есть предел. Но созерцание этой теряющейся в дали перспективы вызывало чувство бесконечности. Не бесконечное время, не вечность Вселенной, а только относительно далекая перспектива. Психологический эффект бесконечного возникает из перенесения видимой безграничности на действительность. Он возникает при созерцании просторов степей, небес, звездного неба» [9, с. 78].

Данная черта национального сознания, восходящая к традициям народного эпоса и фольклора в целом, определила, на наш взгляд, то, что Абай выбрал для перевода именно те произведения Лермонтова, в которых образы Космоса, ночного неба, бесконечной дали являются центральными.

Говоря о вольных переводах произведений М. Ю. Лермонтова, можно утверждать, что многие из них способствовали обогащению традиционной системы стихосложения, характерной для тюркских языков и литератур, использованию новых стихотворных размеров и жанровых форм. Так, Абай большинство лирических произведений Лермонтова («Исповедь», «Кинжал», «Выхожу один я на дорогу», «Молитва») переводит силлабическим стихом, широко распространенным в казахской народной поэзии. Так происходит, например, в случае перевода на родной язык стихотворения «Исповедь» («Я верю, обещаю верить.»), написанного характерным для русского поэта ямбическим стихом (рифмовка авав). Абай использует в своем переводе наиболее древний метр силлабики - семисложник с цезурой после четвертого слога.

Возможно, данный стихотворный размер больше, чем аруз, близок к размеру лермонтовского стиха, что «создает ощущение точности перевода,

его соответствия воспринимаемому произведению не только по форме, но и по ритмике и интонации» [9].

Согласимся с мнением литературоведа о том, что в возникшем на рубеже веков диалоге между русской и восточными культурами проявились в первую очередь черты национального своеобразия воспринимающего сознания. Лирические произведения Лермонтова с развивающимися в них общечеловеческими идеями свободно входили в национальную парадигму и не были «чужими» для национально-художественного воспринимающего сознания.

В заключении хотелось бы привести слова Б. Канапьянова: «... в поэзии не должно быть прогресса как такового. Это утверждение ...поэта, большого мастера перевода Александра Межирова. Действительно, разве можно писать лучше фольклора, Пушкина, Лермонтова и Абая, Мандельштама, Пастернака и Магжана. Конечно же, нет. И всё-таки перспектива мастерства должна присутствовать внутри самого поэта и переводчика, ибо каждый поэт – это точка Вселенной» [7].

Переводам Абаем произведений Пушкина и Лермонтова посвящены многие труды литературоведов – как отечественных, так и зарубежных, но еще «есть и малоизученная часть переводческого наследия Абая. Это переводы на язык казахской поэзии стихов Антона Дельвига, Якова Полонского и... Ивана Бунина» [7]. Изучение и исследование переводческой деятельности Абая Кунанбаева продолжается...

Список использованной литературы

1. Ахметов З. Абай и Лермонтов: Эссе. Алматы: Арда, 2008. 160с.
2. Ауэзов М. Традиции русского реализма и казахская литература, альм. «Дружба народов», 1959, №2.
3. Ауэзов М. Әр жылдар ойлары. – Алма-Ата., 1959. – 375 б.
4. Ахметов З. Абайдың ақындық әлемі. – Алма-Ата, 1995. – 272 б.
5. Бельгер Г. Земные избранники (Гете и Абай): Литературно-критические очерки-эссе. – Алматы: Жазушы, 1995. – 251 с.
6. Жизнь и творчество Абая. Сборник статей / Под редакцией М. Ахинжанова и З. Ахметова. – Алма-Ата: Издательство АН КазССР, 1954. – С. 204-215.
7. Канапьянов Б. Русские поэты и Абай. К 170-летию со дня рождения. <https://lgz.ru/article/-31-6519-29-07-2015/russkie-poety-i-abay/> – Дата обращения 02.01.2020.
8. Хабибуллина, А. З. (2009). Из истории переводов произведений М. Ю. Лермонтова в тюркоязычных литературах. Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки, 151 (3). – С. 144-153.
9. Шелобаева Г.К. Эстетическое и художественное как реалии национального самосознания II Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. - 1996. - № 2. - С. 72-83.